

НОВОРОССИЯ

Сны стали яркие сниться,
Детские вещи сны.
Где-то пылают зарницы
Близкой по крови войны.
Где-то становится летом
Парень, сгоревший в броне.
Только ведь я не об этом,
Я не о том совсем... Не
Понимая откуда,
В нас эта вечность течёт,
Наспех прощаемся с чудом,
Свой не жалея живот.
Что же нас встретит на древнем
И бесконечном мосту?
...Домик над речкой в деревне,
В детстве уроненный стул.
Жизни прошедшей начало,
Тёмные воды извне.
Старый отец у причала
С парнем, сгоревшим в броне.

* * *

Вы знаете, – как одинок верблюд,
В своем горбатом упоенье прозой!
Он пересох, как топка паровоза;
Его по рёбрам раскалённым бьют!
Толпится рядом безобразный люд,
И пальцем норвят потрогать слёзы,

А он лежит – он умер безголовым.
Теперь пески в ноздрах его поют!

МОСКВА МОЯ

Друзьям-поэтам посвящается

Здорово, други! Вы ещё ни-ни? –
Такого не бывало в наши годы,
Поэты русские такой не знали моды
И душ своих не тискали в ремни!

Ну, как вы, милые – в постылой и святой,
В которой, может, объявлюсь я вскорее,
С которой пить и мыкать наше горе
До самой распоследней запятой?

...Блестящей в позолоте наших снов,
Пропахшей пылью едкой и всесветной,
Горластой встарь, а ныне безответной –
Поклон тебе из далей и лесов.

Ты, говорят, черней ночи самой,
Как сердце, почерневшее от боли,
Которому никто и не позволит
Стучать с дурной эпохой вразнобой.

Но ты сияешь – тихо и не вдруг,
Как лунный снег на даче опустелой,
Как якорь в небеса – России целой,
Хранящий *там* её небесный струг!

Южный Крест – в лучшей жизни, не в этой.
 Тьма тропических страшных ночей.
 Остро пахнет прибором и Летой.
 И зовущий, безумный, ничей –

Океана рыдающий голос,
 Страстный голос распахнутых недр.
 ... И скрипучий, как соль, санный полоз.
 И пронзающий северный ветер.

Бубенцы... Славный выстрел... И лучше
 Лошадей нет в округе, хоть плачь.
 Умирает уланский поручик
 По вине своей чести и кляч.

Он глядит в незнакомое небо,
 И растёт отдалённый прибор.
 – Хоть бы пальму какую в окне бы!..
 Но, отпет полковою трубой,

Он ложится в последнюю землю,
 На которой легко умирать.
 И широкие сосны приемлют
 Его тонкую южную стать.

* * *

Если мир не проснулся добрей,
 Значит, нечего было и братья –
 Шум дождя и овражную прель
 Воспевать, и в чернилах мараться.

И смотреть на уроках в окно,
 Растворяясь в родном и безбрежном.
 Что с того, что кому-то дано
 Быть непонятым, глупым и нежным!

Всё отмеряно здесь на весах
 Нам при жизни не ясного братства...
 Если мир не проснулся в слезах,
 Значит, нечего было и братья.

Ещё живут в Орле мои друзья,
 Ещё плывут туманы над Окою,
 Но возвратится мне уже нельзя
 Туда, где жил я каждою строкою.

И всё белей в полях моих, белей.
 Студеный ветер бродит по равнине.
 Какой же будет горький юбилей,
 Когда и это всё в душе остынет!

Когда на миг задумавшись, на час,
 Суровый глас услышу над землею,
 И, оглянувшись, не увижу вас
 В сиянье звёзд – над бездной мировою!

ВОРОБЕЙ

Что-то звёздное, что?.. Не спеши, не спеши,
 И не множь понапрасну скорбей...
 В этой синей тиши, в этой древней глуши
 Ты сегодня один, воробей.

Посиди на моем ненадёжном окне,
 Почирикай в густую листву.
 Ты сегодня один, кто заглянет ко мне
 И увидит поваленный стул.

А бывало тебя я с окошка кормил,
 Сыпал пригоршни скачущих крох.
 Может нынче тебе этот завтрак не мил,
 И ты в чем-то учуял подвох?

Тот же день на дворе, то же солнце в траве,
 Те же осы летают, звеня.
 Даже тот же ползёт по стене муравей...
 Только нет в этом мире меня.

* * *

О. Р.

Облака, провода – до скончанья, до сказочной, странной,
 До твоей ли последней, моей непосильной, сохранный,
 Как ничто в этом мире, любви – беспримесной, напрасной:
 Как угодно зови, навсегда оставаясь прекрасной...

Что дороги нам было дано – до конца, до упора;
 Там – закатная кровь, разливаясь, густеет над бором.

...До вечерней звезды над замерзшей чудовищной гладью,
До последних моих сигарет – с этой шуточной кладью:
Невесомой, несомой, по венам бегущей, отпетой,
Уходящей по капле в ничто, в темноту, без ответа
Уходящей по капле...

Осталась какая-то малость –
Этой нежности, этой любви непонятная жалость.

ЧЕРНОМОРСКАЯ ФОТОГРАФИЯ 1996 ГОДА

А.М.

Постепенно забываешь губы, которые целовал.
Оглушающий свист времени подготавливает к тишине –
Внезапной, той, что накроет – будто в горах обвал
Или же сеть из трещин на жёлтой больничной стене.

В мире, где с каждым шагом сужается горизонт,
Где с каждой брошенной горстью – горестней соль земли,
Ты ищешь любви, а солнце садится за Геллеспонт.
Ты хочешь уплыть туда же, барахтаясь на мели.

Глупый, в твои неполных цезаревых двадцать три
Пора бы понять, что вечность превыше всех клеопатр.
И волны согласно ропщут: здесь нету её – смотри.
Мог бы и улыбнуться, чтобы не портить кадр.

